

УДК 327

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/57/24>

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США И ЕС: МЕЖДУ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬЮ

©Хлопов О. А., ORCID: 0000-0002-5702-8288, SPIN-код: 2230-4392,
канд. полит. наук, Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, rggu2007@rambler.ru

ENERGY PROBLEMS IN USA-UE FOREIGN POLICY: BETWEEN INDEPENDENCE AND INTERDEPENDENCE

©Khlopov O., ORCID: 0000-0002-5702-8288, SPIN-code: 2230-4392,
Ph.D., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, rggu2007@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию энергетических проблем во внешней политике ЕС и США. Анализ работы опирается на когнитивный подход в анализе процесса выработки внешней политики и исследует взаимосвязь между энергетикой и внешней политикой в ЕС и США. На основе сравнительного метода прослеживается роль энергетического фактора в формировании внешней политики Европейского Союза и Соединенных Штатов. Хотя США являются крупнейшим в мире производителем углеводородов и чистым экспортером энергии, главным образом из-за его сланцевых месторождений, ЕС остается крупнейшим в мире импортером энергии. Это существенное различие предоставляет возможность сравнить роль энергии во внешнеполитическом процессе двух участников с совершенно разным потенциалом производства и экспорта, в первую очередь, углеводородных ресурсов. Автор отмечает, что стратегии энергетической безопасности обоих акторов исходят из учета взаимодействия материальных и идеологических факторов, однако у них различные представления об интересах, порождающих соответствующее внешнеполитическое поведение.

Abstract. The article is devoted to the study of energy problems in the foreign policy of the EU and the United States. The analysis of the paper is formed on a cognitive approach in analyzing the foreign policy making process and explores the relationship between energy and foreign policy of the EU and the USA. Based on the comparative method, the study traces the role of the energy factor in shaping the foreign policy of the European Union and the United States. Although the US is the world's largest hydrocarbon producer and net exporter of energy, mainly due to its shale deposits, the EU remains the world's largest energy importer. This significant difference provides an opportunity to compare the role of energy in the foreign policy process of the two participants with completely different potential for the production and export, mostly of hydrocarbon resources. The author argues that the energy security strategies of both actors are based on interaction of material and ideological factors, but they have different ideas about the interests that generate their foreign policy behavior.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, внешняя политика, взаимозависимость, Европейский Союз, США.

Keywords: energy security, foreign policy, interdependence, European Union, USA.

Энергия и природные ресурсы становятся все более политизированным товаром, который, однако, сохраняет свои особые технические и экономические характеристики, что затрудняет работу лиц, формирующих внешнюю политику. В статье рассматривается вопрос о том, как развивалась связь между энергетикой и внешней политикой в ЕС и США, в какой степени энергетическая безопасность все еще воспринимается как полезный инструмент, служащий целям внешней политики, и, наоборот, насколько далеко интегрированы цели энергетической политики во внешней политике. Этот сравнительный анализ завершается выявлением различий и потенциальных моделей энергетической политики между ЕС и США.

Сегодня события в области политики и экономики международной энергетики указывают на изменение энергетического ландшафта. Гражданская война в Сирии, украинский кризис, выход США из международного соглашения о Совместном комплексном плане действий по ядерной программе Ирана и Парижского протокола по климату, растущая обеспокоенность по поводу ядерной программы Северной Кореи, уязвимости глобальной энерго-транспортной системы — это лишь некоторые из вопросов, которые определяют повестку дня энергетической геополитики в начале XXI в. В то же время энергетический рынок претерпевает значительные, и структурные изменения, как со стороны спроса, так и со стороны предложения, и цена на рынках нефти и природного газа более не являются стабильными. «Сланцевая революция» трансформирует энергетические рынки, растущая доля сжиженного природного газа (СПГ) глобализирует региональные газовые рынки, эпицентр спроса на энергию перемещается из стран Запада/развитых стран в страны Востока/развивающиеся экономики.

На основе сравнительного метода можно лучше проследить роль энергетического фактора в формировании внешней политики Европейского Союза и Соединенных Штатов. Логическое обоснование выбора этих двух действующих лиц заключается в том, что, хотя они и имеют важную общую черту, они также имеют ключевое различие. ЕС и США испытывают большие потребности в энергии, поскольку они являются третьими и вторыми в мире, соответственно, крупнейшими потребителями энергии после Китая. Однако, хотя США являются крупнейшим в мире производителем углеводородов и чистым экспортером энергии, главным образом из-за его сланцевых месторождений, ЕС остается крупнейшим в мире импортером энергии. Это существенное различие предоставляя возможность сравнить роль энергии во внешнеполитическом процессе двух участников с совершенно разным потенциалом производства и экспорта, в первую очередь, углеводородных ресурсов.

В этом контексте ЕС и США играют ведущую роль в глобальном энергетическом управлении. Соединенные Штаты традиционно рассматриваются через призму жесткой силы как государство, которое, склонно к соперничеству за контроль над энергоресурсами, и к милитаризации энергетической политики. США в последнее время используют «принудительных» стратегий для достижения своей энергетической безопасности. Напротив, у Европейского Союза использует мягкую силу, ориентированную на «не принуждающие» стратегии, а на многостороннее сотрудничество и глобализацию рынков [1].

В своем докладе о проблемах и возможностях энергетической геополитики Консультативный совет по международной безопасности США (ISAB) отмечает, что после 40 лет «энергетическая парадигма», которую, политики США рассматривают как «источник уязвимости», в настоящее время меняется [2]. Хотя еще рано говорить об фундаментальных изменениях, очевидно, что США вступают в эру относительного энергетического изобилия. США стали крупнейшим в мире производителем нефти и природного газа из-за «сланцевой

революции» и информационных технологий. Они сегодня являются крупнейшим в мире производителем нефти и газа, обогнав Саудовскую Аравию и Россию. и, в то же время лидирует в потреблении нефти и газа [3].

Что касается ЕС, то 2014 г. зафиксировал резкое снижение добычи газа и значительное снижение нефти. Тем не менее, ЕС остается вторым по величине потребителем нефти в мире, хотя он занимает третье место по потреблению газа после США и России. В результате значительного разрыва между производством и потреблением ЕС сильно зависит от импорта энергии, являясь крупнейшим импортером энергии в мире [4, р. 2].

Эти данные отражают два разных положения дел — у США это избыток энергии, а у ЕС — ее дефицит. Таким образом, если десятилетие назад энергетические ограничения были общей проблемой для ЕС и США, то сегодня они в первую очередь являются проблемой для ЕС. Следовательно, нельзя игнорировать существование «постоянного трансатлантического разрыва с точки зрения приоритетов и политики энергетической безопасности» [5, р. 5]. На самом деле, можно утверждать, что эти различные подходы к энергетической безопасности не является ни недавним, ни результатом «сланцевой революции» в США.

В США существует давняя традиция большого потребления энергии. Доступ к достаточным энергоресурсам был серьезной проблемой для энергетики и внешней политики США, по крайней мере, со времен нефтяного кризиса 1973 г. Начиная с этого момента, восприятие энергетических проблем в значительной степени вращалось вокруг дихотомии независимость/взаимозависимость, отражающая в определенной степени изоляционистскую/интервенционистскую дискуссию о внешней политике США.

С изоляционистской точки зрения интересы США узко определены и ограничены национальными границами, а энергетическая независимость США рассматривается как достижимая цель, которую следует преследовать в контексте обслуживания интересов отечественных отраслей и потребителей. С интервенционистской точки зрения интересы США тесно связаны с созданием и сохранением международного либерального порядка. Следовательно, энергетическая взаимозависимость считается обычной ситуацией, сохранение которой оправдывает вмешательство США за рубежом.

Следовательно, акцент делается на защите и продвижении национальных интересов США во взаимозависимой международной среде. Вероятно, наиболее четким определением этой точки зрения является так называемая «доктрина Картера», согласно которой любая попытка воспрепятствовать доступу США к энергетическим ресурсам на Ближнем Востоке была названа «посягательством на жизненно важные интересы» США [6]. Справедливости ради следует подчеркнуть, что президент Картер отличался от своих предшественников тем, что он явно связывал энергетическую безопасность США с сокращением потребления энергии.

Администрация Картера положила конец практике удержания цен на энергоносители в США ниже цены мирового рынка, которую они субсидировали, расточительному потреблению, и представив программу по совмещению увеличения производства энергии с сохранением энергопотребления [7]. Тем не менее, хотя «доктрина Картера» продолжала оказывать влияние на энергетику США и выработку внешней политики, упор на снижение энергопотребления сошел на нет после прихода в Белый дом президента Рейгана в 1980 г.

При таком подходе США должны использовать свое энергетическое преимущество для защиты и продвижения своих национальных интересов. Как заявил Дониолон, советник по национальной безопасности США (2010–2013), такая «новая энергетическая позиция Соединенных Штатов дает Вашингтону более сильную руку в достижении и реализации своей цели в области международной безопасности» [8].

Такой подход предполагает отказ США от энергетического изоляционизма. Однако, это подразумевает инструментализацию энергетического фактора, что влечет за собой передачу энергии на службу внешней политике.

Основная идея этого аргумента заключается в том, что США могут использовать экспорт энергоносителей для оказания экономического давления на противников, полагающихся на доходы от энергоносителей, таких как Россия или Иран. В этом контексте увеличение добычи нефти в США воспринимается как «некий элемент санкций», введенных администрацией США, поскольку это минимизирует нагрузку на мировой рынок нефти и смягчает опасения по поводу экономических последствий. Соответственно, экспорт СПГ из США в Европу рассматривается в качестве потенциального средства усиления конкуренции между российским экспортом природного газа в Европу и дальнейшего подрыва доходов России [9]. Эта линия рассуждений отражена в обосновании законопроекта об экспорте природного газа союзникам США, в котором отмечается, что, предоставляя «обильную и надежную альтернативу природному газу своим союзникам, США, могут помочь уменьшить влияние таких стран, как Россия, которые используют энергетический рынок, чтобы навязать свою волю» [10]. На этом фоне, комментируя санкции против России, нацеленные на определенные российские энергетические проекты, которые были одобрены Сенатом США 14 июня 2017 года, заместитель генерального директора «Газпрома» Медведев заявил, что «они не скрывают, что это направлено на обеспечение американского СПГ в Европу» [11].

Если с одной стороны участие США в мировых энергетических делах воспринимается через призму национальных интересов, то с другой — акцент делается на восприятии США как поставщика глобальных общественных благ. В основе этой концепции взаимозависимости лежит внутренняя связь между глобальными общественными благами в энергетическом секторе и национальными интересами США. При таком подходе США рассматриваются как гарант свободного потока нефти и газа, а также либерализованного мирового энергетического рынка. Как было сформулировано в отчете Группы по разработке национальной энергетической политики США, также известной как отчет Чейни, «значительное нарушение мировых поставок нефти может негативно повлиять на нашу экономику и нашу способность содействовать достижению ключевых целей внешней и экономической политики, независимо от уровня зависимости США от импорта нефти» [12, р. 8].

В той степени, в которой взаимозависимость делает энергетическую безопасность США неотделимой от мировой энергетической безопасности, Вашингтон «действует как гегемонистский стабилизатор мировых энергетических потребностей» [13, р. 186–190]. Более того, по крайней мере, при администрации Б. Обамы США играли ведущую роль в вопросах климата. Как указано в Плане действий президента Б. Обамы по изменению климата, «США интенсивно работали над выработкой глобальных мер реагирования на изменение климата, посредством ряда важных международных переговоров, включая Рамочную конвенцию ООН об изменении климата» [14]. Три года спустя в последнем экономическом отчете администрации Обамы подчеркивалось, что «лидерство Америки в вопросах климата помогло проложить путь к Парижскому соглашению». Тем не менее, США вышли из Парижского соглашения при администрации Трампа.

Это изменение отражено в соответствующем заявлении президента Трампа, в котором указывается, что «Парижское соглашение по климату является примером того, как Вашингтон заключает соглашение, которое ставит США в невыгодное положение исключительно ради выгоды других стран» [15]. Вероятно, что дискуссия вокруг дихотомии независимости-взаимозависимости и различных проявлений будет по-прежнему определять восприятие области энергетики во внешней политике США.

Для ЕС энергетика стала играть важную роль, только в 2009 г. с подписанием Лиссабонского договора, в котором энергетическая политика была признана в качестве общей компетенции [16]. В Договоре говорится, что меры, принимаемые ЕС для достижения своих энергетических целей, не должны затрагивать право государства-члена определять условия использования своих энергетических ресурсов, выбор между различными источниками энергии и общая структура энергоснабжения».

Таким образом, хотя этот договор заложил необходимые основы для общей энергетической политики ЕС «в духе солидарности», он сохраняет национальный суверенитет над такими ключевыми вопросами, как стратегия энергоснабжения и структура энергопотребления, что затрудняет разработку согласованной общей энергетической политики, на уровне ЕС, не говоря уже о внешней энергетической стратегии.

На этом фоне связь между энергетикой и внешней политикой в ЕС пронизана постоянным дуализмом между независимостью и взаимозависимостью. На наднациональном уровне Европейская Комиссия подчеркивает внутреннюю энергетическую взаимозависимость внутри ЕС — между государствами-членами, а за пределами ЕС на региональном и международном уровне [4, р. 4–5].

Однако российско-украинский газовый спор 2009 г. и соответствующая критика в отношении реакции ЕС на кризис энергетической безопасности поставили под сомнение принятую программу. После кризиса 2009 г. Комиссия, рассмотрев вопрос о фрагментации внутреннего энергетического рынка в результате двусторонних энергетических отношений между государствами-членами и третьими поставщиками или странами транзита, подчеркнула необходимость улучшения координации между внешнеполитическими стратегиями государств-членов.

Более того, со стороны ЕС были предложены конкретные меры в этом направлении, включающие введение механизма повышения прозрачности и обмена информацией о межправительственных соглашениях государств-членов в области энергетики (Intergovernmental Energy Agreements (IGAs) с третьими странами [17].

Новый План действий в области энергетической дипломатии, разработанный Комиссией, еще раз призвал к единому голосу ЕС по основным энергетическим вопросам в двусторонних и многосторонних отношениях. Совет по иностранным делам в июле 2015 г. принял План действий, определяющий необходимые согласованные действия ЕС в области внешней и энергетической политики с учетом геополитических изменений. Тем не менее, во избежание возможного неправильного толкования, в том же параграфе было подтверждено «право государств-членов самостоятельно определять энергетический баланс» [18, р. 2].

Размышляя об инициативах Комиссии в отношении формирования отношений между ЕС и странами, занимающимися выработкой политики в области энергетики, нельзя не заметить существование двух противоположных сил, лежащих в основе этих отношений. Хотя Комиссия продвигается в направлении дальнейшей интеграции и, следовательно, большей взаимозависимости внутри ЕС, некоторые национальные правительства сохраняют свои национальные прерогативы и, соответственно, свою независимость. В то время как в США дихотомия энергетической независимости-взаимозависимости отражает дискуссию изоляционистов/интервенционалистов, в ЕС она является продуктом традиционной напряженности между национальным и наднациональным подходами. Если для США это связано с различными представлениями о роли Соединенных Штатов на международной арене, то в ЕС — с различными представлениями о масштабах или даже смысле внешней политики ЕС, и, соответственно, внешней энергетической политики ЕС.

Самыми последними и яркими проявлениями такого положения дел являются предложения Комиссии 2016 г. о создании механизма обмена предварительной информацией в отношении (IGAs) государств-членов и необязательных инструментов с третьими странами в области энергетики, и) четкое включение нового принципа солидарности в новый регламент мер по обеспечению безопасности поставок газа.

Неудивительно, что предложение о механизме обмена предварительной информацией было воспринято неоднозначно правительствами нескольких стран. Франция недвусмысленно заявила о своем недовольстве по поводу предлагаемой модификации существующего механизма обмена информацией и о своем несогласии с каким-либо предварительным контролем. К французскому неодобрению присоединилась жесткая немецкая критика этого предложения.

Исключением из этой позиции являются страны Балтии и Польша, которые поддерживают предлагаемую поправку к действующему законодательству о механизме обмена информацией. Для этих стран европейская политика энергетической безопасности широко рассматривается как укрытие от напористой российской энергетической политики [19, р. 276]. Реакция на газопровод «Северный поток» и жесткая критика германо-российского сотрудничества в области энергетики со стороны бывшего министра иностранных дел Польши Сикорского являются хорошей иллюстрацией связи между областью энергетических вопросов и внешней политикой, и национальной идентичностью.

Спор о проектах «Северном потоке» и «Северном потоке-2», вопрос об увеличении энергетической зависимости некоторых государств-членов от России и риск перебоев с поставками энергии поднимают ключевую проблему о солидарности между государствами-членами в области энергетики. Подчеркнув «жизненно важное значение» укрепления солидарности в обеспечении безопасности поставок, Комиссия предложила в 2016 г. включить новый принцип солидарности в пересмотренный регламент, касающийся безопасности поставок газа.

Различные точки зрения национальных правительств, которые участвовали в соответствующих консультациях в отношении предлагаемого принципа солидарности, отражают широкий спектр дихотомии энергетической независимости-взаимозависимости.

Австрийское правительство сочло существующие меры солидарности достаточными. С точки зрения Чехии соглашения о двусторонних или многосторонних кризисных мерах могут иметь дополнительную ценность, но они должны оставаться на добровольной основе. Литва полностью поддерживает новые меры в соответствии с принципом солидарности, в то время как Венгрия недвусмысленно заявляет, что не поддерживает никаких дальнейших обязательных кризисных мер. Итальянское правительство сочло такие соглашения о кризисных мерах потенциально полезными при условии, что они являются продуктом свободного выбора участвующих государств-членов и что они не оказывают вредного воздействия на другие государства-члены. С точки зрения Польши, кризисные меры должны быть согласованы в региональных и чрезвычайных планах ЕС, включая методы обеспечения соответствия, и при поддержке Комиссии.

Множественность позиций в отношении принципа солидарности, а также продолжающееся обсуждение механизма предварительной информации отражают различные взгляды на область энергетических вопросов и влияет на формирование отношений между энергетикой и внешней политикой на уровне ЕС.

В то время как Комиссия продолжает играть ведущую роль в глобальном энергетическом управлении, продвигая идеи либерализации и устойчивости энергетики на основе

региональной и международной взаимозависимости, область энергетических проблем все еще широко воспринимается на национальном уровне на основе энергетической независимости.

Таким образом, между двумя сторонами Атлантики существует значительное расхождение в отношении роли энергетического сектора. Хотя эти энергетические факторы в ЕС и США могут увеличить эту дистанцию, можно обнаружить и общую закономерность в восприятии энергетических проблем в ЕС и США при выработке внешней политики, которая определяется дихотомией энергетической независимости-взаимозависимостью. Однако контекст, в котором развивается эта дихотомия, различен в каждом случае.

Принимая во внимание, что в США представления об энергетической независимости и взаимозависимости заложены в рамки сформированной дилеммы изоляционизма/интервенционализма, в ЕС они в значительной степени отражают ситуацию «перетягивание каната» между национальным суверенитетом и наднациональной властью. В США эта двойственность обеспечивает две разные ориентации в дебатах относительно роли страны в мировых энергетических делах, в то время как в ЕС она ставит экзистенциальные вопросы относительно внешней энергетической политики ЕС, особенно когда речь идет об энергетической безопасности.

США традиционно имеют тенденцию секьюритизировать или даже милитаризировать вопросы энергетики из-за их склонности воспринимать область энергетических проблем с точки зрения целей внешней политики. Опровергая этот стереотип, было бы справедливо утверждать, что, по крайней мере, в период с 2008 по 2016 гг. отношения между энергетикой и внешней политикой в США находились в основном под влиянием взаимозависимого подхода, который рассматривал роль США в глобальном энергетическом управлении как поставщика глобальных общественных благ. В соответствии с этим подходом США включили в свои внешнеполитические цели в области энергетической политики такие, как защита свободного потока энергии, содействие либерализации мирового энергетического рынка и борьбу с угрозой глобального изменения климата.

Несмотря на существующие различия между энергетическими ландшафтами ЕС и США, доминирующие представления в Брюсселе и Вашингтоне имели тенденцию, по крайней мере, во время администрации Б. Обамы, сходиться в направлении включения общих взглядов на глобальную энергетическую архитектуру в процесс разработки внешней политики. При этом использование энергетических ресурсов в качестве политического инструмента было осуждено обеими сторонами, по крайней мере, с точки зрения риторики.

Тем не менее, в ЕС представления о проблемной области энергетики на национальном уровне чаще всего основываются на подходе «в одиночку» и по-прежнему во многом определяются соображениями внешней политики отдельных государств. Для США, несмотря на существование общих взглядов на уровне исполнительной власти во время предыдущей администрации (в первую очередь в отношении угрозы глобального изменения климата), экспорт американского СПГ в Европу — потенциальное средство вытеснения российского экспорта природного газа из Европы, как способ предоставить альтернативу природному газу из США, помочь снизить зависимость ЕС от России. Такой взаимозависимый подход поддерживается администрацией Д. Трампа.

Концентрируясь на изучении энергетики как области внешней политики, когнитивный подход к этой области исследований влечет за собой выход за рамки рационалистического восприятия связей между энергетикой и внешней политикой и смещение акцента исследования с материальных интересов на взаимодействие материальных и идеологических факторов.

Такой подход позволяет показать существование различных действующих лиц с различным восприятием интересов, влияние различных идей, которые формируют внешнюю политики США и ЕС в области энергетики, ведет к более динамичной интерпретации связей между энергетикой и внешней политикой и дает лучше понимание поведения государств на международной арене.

Список литературы:

1. Lesage D., Van de Graaf T. Global energy governance in a multipolar world. Routledge, 2016.
2. ISAB. International Security Advisory Board. Report on Energy Geopolitics: Challenges and Opportunities. 2 July 2014. <https://clck.ru/QFwis>
3. US Energy Information Administration. Annual Energy Outlook 2020 with projections to 2050. January 29, 2020. <https://clck.ru/QFwk5>
4. European Commission. Energy Union Package Communication, A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. COM (2015), 2 February, 2015. <https://clck.ru/QFwm8>
5. Johnson C., Boersma T. The politics of energy security: contrasts between the United States and the European Union // Wiley Interdisciplinary Reviews: Energy and Environment. 2015. V. 4. №2. P. 171-177. <https://doi.org/10.1002/wene.121>
6. Carter J. The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress, January 23, 1980, The American Presidency Project. 1980.
7. Carter J. The State of the Union annual message to the Congress. Washington, January, V. 25.1979.
8. Donilon T. Energy and American power // Foreign Affairs. 2013. V. 15. P. 6.
9. Senate Republican Policy Committee. Policy Paper “American Energy Underwrites Foreign Policy”. 12 September, 2014. <https://clck.ru/QFxEx6>
10. Wicker R. Press Release ‘Wicker and Cochran Call for Expedited LNG Export Projects’, 8 August, 2014. <https://clck.ru/QFxGv>
11. Reuters. ‘Russia’s Gazprom Says Proposed U.S. Sanctions Aim to Boost U.S. Gas Exports’. 15 June, 2017. <https://clck.ru/QFxK5>
12. National Energy Policy Development Group. Report. Reliable, Affordable, and Environmentally Sound Energy for America’s Future, May, Washington. 2001. <https://clck.ru/QFxMB>
13. Raphael S., Stokes D. US oil strategy in the Caspian Basin: Hegemony through interdependence // International Relations. 2014. V. 28. №2. P. 183-206. <https://doi.org/10.1177/0047117813517911>
14. President Obama’s Climate Action Plan. Executive Office of the President. June, 2013. <https://clck.ru/QFxcn>
15. White House. Statement by President Trump on the Paris Climate Accord, 1 June, 2017. <https://clck.ru/QFxnY>
16. TFEU (Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union) // Official Journal of the European Union. C 326/47, 26 October, 2012.
17. Intergovernmental Energy Agreements. European Commission. 31 July 2014. <https://clck.ru/QFxs5>
18. Council of the European Union. Council Conclusions on Energy Diplomacy, №. 10995/15, 20 July, 2015. <https://clck.ru/QFxu7>

19. Monaghan A. Russia's energy diplomacy: A political idea lacking a strategy? // Southeast European and Black Sea Studies. 2007. V. 7. №2. P. 275-288. <https://doi.org/10.1080/14683850701402201>

References:

1. Lesage, D., & Van de Graaf, T. (2016). Global energy governance in a multipolar world. Routledge.
2. ISAB. (2014) International Security Advisory Board. Report on Energy Geopolitics: Challenges and Opportunities. 2 July. <https://clck.ru/QFwis>
3. US Energy Information Administration. (2020). Annual Energy Outlook 2020 with projections to 2050. January 29.- URL: <https://www.eia.gov/outlooks/aeo/pdf/AEO2020%20Full%20Report.pdf>
4. European Commission. (2015). Energy Union Package Communication, A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. COM (2015), 2 February. <https://www.eea.europa.eu/policy-documents/com-2015-80-final>
5. Johnson, C., & Boersma, T. (2015). The politics of energy security: contrasts between the United States and the European Union. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Energy and Environment*, 4(2), 171-177. <https://doi.org/10.1002/wene.121>
6. Carter, J. (1980). The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress, January 23, 1980, The American Presidency Project.
7. Carter, J. (1979). The State of the Union annual message to the Congress. Washington, DC, January, 25.
8. Donilon, T. (2013). Energy and American power. *Foreign Affairs*, 15, 6.
9. Senate Republican Policy Committee. (2014). Policy Paper "American Energy Underwrites Foreign Policy". 12 September, 2014. <https://clck.ru/QFxE6>
10. Wicker R. (2014). Press Release 'Wicker and Cochran Call for Expedited LNG Export Projects', 8 August. <https://clck.ru/QFxFv>
11. Reuters. (2017). 'Russia's Gazprom Says Proposed U.S. Sanctions Aim to Boost U.S. Gas Exports'. 15 June. <https://clck.ru/QFxFK5>
12. National Energy Policy Development Group. (2001) Report. Reliable, Affordable, and Environmentally Sound Energy for America's Future, May, Washington. <https://clck.ru/QFxFMB>
13. Raphael, S., & Stokes, D. (2014). US oil strategy in the Caspian Basin: Hegemony through interdependence. *International Relations*, 28(2), 183-206. <https://doi.org/10.1177/0047117813517911>
14. President Obama's Climate Action Plan. (2013) Executive Office of the President. June. <https://clck.ru/QFxcn>
15. White House. (2017). Statement by President Trump on the Paris Climate Accord, 1 June. <https://clck.ru/QFxnY>
16. TFEU (Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union). (2012). Official Journal of the European Union. C 326/47, 26 October.
17. Intergovernmental Energy Agreements. (2014). European Commission. 31 July. <https://clck.ru/QFxs5>
18. Council of the European Union. (2015). Council Conclusions on Energy Diplomacy, №10995/15, 20 July. <https://clck.ru/QFxu7>

19. Monaghan, A. (2007). Russia's energy diplomacy: A political idea lacking a strategy? *Southeast European and Black Sea Studies*, 7(2), 275-288. <https://doi.org/10.1080/14683850701402201>

*Работа поступила
в редакцию 11.07.2020 г.*

*Принята к публикации
18.07.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Хлопов О. А. Энергетические проблемы во внешней политике США и ЕС: между независимостью и взаимозависимостью // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №8. С. 226-235. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/57/24>

Cite as (APA):

Khlopov, O. (2020). Energy Problems in USA-UE Foreign Policy: Between Independence and Interdependence. *Bulletin of Science and Practice*, 6(8), 226-235. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/57/24>